

ОСОБЕННОСТЬ современного литературного процесса заключается в том, что, читая критические статьи, обзорные материалы о современной литературе, не получивши и приблизительного понятия о её состоянии. Её исследуют, как слепые — слона: кто ухватит хвост, думает, что слон — это верёвка; кто взялся за хобот, считает, что слон — это труба... И каждый исследователь честен, убедителен.

По разным причинам современные критики — кто слеп, кто сознательно исследует только часть сложного явления, выдавая это за целое. Именно так и описывают литературу. Потому читатель не будет иметь понятия о целом. Парадоксально, но чем больше работ таких исследователей человек будет читать, тем больше у него непонимания: так что это всё же — верёвка, труба или столб? Хорошо бы самому интересующемуся процессом читать и делать выводы. Но массив литературы столь велик, слон так здоров, что нужно много времени, сил, терпения для исследования и понимания.

Одним из сегментов литературы является собственно русская литература. Не русскоязычная, которая выражает разные идеи, взгляды, мировоззрения, формирует образы с помощью русского языка, используя его как подручное средство, порой и достаточно хорошо освоенное. Русские писатели, в отличие от русскоязычных, думают и чувствуют по-русски, а не только излагают что бы то ни было на "этом языке", коль уж им привелось — не посчастливилось жить в "этой стране". Для русских писателей русский язык — это их ватчина, среда обитания, их родина. Они готовы разделить с ней все тяготы современного смутного времени, хотят способствовать её процветанию, хотят обогатить её, сделать сильнее и совершеннее. Они не готовы её предать и найти себе другую родину, другую мать, которая в настоящий момент в более сильном состоянии и выгодном положении. Она сейчас ослаблена, предана, продана, но она — родная и единственно любимая. Они не исповедуют принцип: где хорошо, там и родина.

Современные русские писатели действительно оказались в непростой ситуации, поскольку старшие товарищи не удержали страну, не удержали позиции литературы. К тому же шедшие впереди обделили литературных потомков. Поэтому наследовать, кроме идеи, было нечего. Но это наследие — верность высоким идеалам, сочувствие к "маленькому человеку", нестяжательство — досталось молодым в большей степени от русской классической литературы, чем от непосредственных предшественников. Поколение писателей, идущих за последним советским строем литераторов, шло по голому, опустошённому старшими товарищами полю: писатели-мэтры не оставляли молодым ничего, что могло бы им пригодиться в жизни и работе. Издательства сверхпатриотично распродали некие сверхпатриоты, купив на вырученные деньги недвижимость дочерям в Германии, например, или бунгало в Греции. Литературные журналы, у истоков которых стояли не они сами, тоже оставили за собой. О дачах и квартирах и говорить не следует: это святое. Как-то и речи не шло о том, что сами старшие товарищи получили всё это как переходящее звание в качестве места работы. Они в своё время должны были передать потомкам, пополнить славу, укрепив организационно. Но уж больно не хотелось отдавать! Старшее поколение послушало свой голос сердца и всё оставило за собой. Но можно ли после этого

рассчитывать на уважение ограбленных и строить из себя моральных гурю?

Я больше чувствую влияние Пушкина, Толстого, Ахматовой, чем ближнего современного круга. Черепанов изобрёл паровоз, однако современные электровозы — более совершенны. Но современная литература не более совершенна, чем классическая. Почему? Лишь отдельные писатели, как Александр Проханов, Вера Галактионова, по таланту если не выше (выше абсолюта русской классической литературы невозможно быть), то мастеровитее, что ли, потому что усвоили всё лучшее из прошлого и внесли своё.

В начале прошлого века были литературные течения, Борения, идеи. Молодые советские писатели проявили свои возможности, доказали, что писатели — люди идеинные, формирующие идею, рождающие идею, работающие за идею, отстаивающие идею. Государство оценило эти

домствах, что было и есть очень важно, делать всё самим, создавать свою инфраструктуру с нулевого цикла, несколько лукаво. Ведь нынешнее старшее поколение пришло на готовое во времена, когда государство всячески поддерживало и опекало писательскую братию, о чём очень убедительно свидетельствуют в том числе адреса проживания писателей даже самых скромных дарований: это центры любых городов, где обособились литераторы. Старшее поколение в столь комфортных условиях жития и работы если что и приумножило, то оставило всё за собой. И не будучи на нулевом цикле, ничего тем не менее не создало для тех, кто идёт следом.

В КАКОМ ВИДЕ сейчас пребывает патристическая молодая литература? "Определимся с терминами". Молодыми писателями прозакнами, пожалуй, нужно называть людей от 35 лет. Проза требует судьбы. Исключения, гении, только подтверждают правило. Какой путь, ка-

СУДЬБА И ПРОЗА

О наследниках русской литературы

возможности писателей и создало им небывалые условия для творчества и жизни. Как оказалось, для многих это более привлекательно, чем творчество. Но и идеинных хватило, чтобы выполнить задачу, поставленную государством: сформировать нового человека и заразить его идеей созидания и коллективного блага. Государство обеспечивало домами творчества, квартирами в центрах городов, возможностью "творить в стол", но при этом иметь и зарплату, и трудовой стаж, гарантированную пенсию. И уже кое-кто потянулся в писатели не чтобы создавать, "строить и нести", а чтобы фрондировать, потянулся за сладким куском, за удовлетворением тещеславия. Они предали свой народ, их кормивший, обвинив его во всех смертных грехах. Сами-то они в это время ничего не делали: новые образы не создавали, методы не искали. Почивали на прежних достижениях — не своих. То есть на них, ничего не делавших, никакой вины нет. И захватив всё, что было добыто, заняли круговую оборону у кормушек. Дачи, премии — у кого? У них. Образы и произведения, представляющие интерес, — у кого? Не у них.

Молодое поколение писателей не получило ни оружия борьбы, ни поля деятельности — читатели были у журналов, куда молодых пускали лишь в том виде, в каком желали терпеть, то есть не опасном для себя. Не столь одарённых (чтобы не затмевали старших), не со столь интересными темами, чтобы не было видно, что старшие товарищи ходят туда-сюда по давно проторенной литературной дорожке, в отличие от молодых, ищущих и находящих новые пути. Не желаясь принимать дискриминационные условия — пошёл вон. Молодое поколение оказалось по воле старших божжками. Очень неудобными при этом, поскольку они имели право! И если даже отрасли промышленности были разгромлены, у военных отоборали полигоны, и они не смогли создать новые, альтернативные, то призывать молодых писателей, у которых не было организационной инфраструктуры, связей в министерствах и ве-

кой выход был у писателей в созданных для них старшим поколением условиях? Они прорастали из тела русской литературы, которой нет места в современном русскоязычном литературном процессе. Что делать, если ты остался в литературе, в этом храме, где не мыслишь торжества? Литература — это их религия, и они не готовы были её менять в угоду пришлым жрецам, насаждающим другие постулаты. Потому они, как старообрядцы, отделились от вероотступников, переписчиков библии, от инноверов. Они блюдут свою веру. Это не литературные фанатики, но именно староверы, старообрядцы. Кто-то из них ушёл в скиты, где и хранит чистоту веры: читают свои молитвы — пишут в стол или издают свои книжечки тиражом 50 экземпляров, подавая сигнал, мол, мы живы, мы боремся за веру. Кто-то не ушёл из мира, но, живя в миру, не нарушает никаких канонов, что могли бы принципиально противоречить или осквернять их веру — их слово, которое было вначале. И было от Бога. И было Бог. Для них слово — действительно Бог. Они работают не писателями, поскольку писательским трудом ныне прожить могут только детективные литературные проекты, а пишут в свободное от работы время. Но в своих текстах преданы своей вере. Они не отшельники. И староверы живут среди нас. Мы можем и не догадываться об их вероисповедании, когда идём с ними по улице, встречаемся в магазине, в аудитории вуза. Но если вы заставите их попросить их осквернить их святыню, присягнуть сатане, они не станут этого делать, не пойдут на компромиссы. Это может стоить и стоить им карьеры, материального благополучия, спокойствия. Они подвергаются гонениям из-за того, что отказались предать свою веру. Они не будут писать на темы, которые оскверняют их веру — литературу. Не пойдут служить в чуждом храме — не станут сотрудничать с теми изданиями и журналами, которые проповедуют иные ценности. Их выбор сознателен. И они не там, не в тех храмах, не потому, что их не пускают туда, а потому, что они не пойдут служить дру-

гому Богу. Они создают свои приходы, в которые не допускают инноверцев.

В России то там, то здесь появляются малотиражные литературные журналы. Они печатают произведения в духе русской литературы, которая никогда не нуждалась в изыскательстве над кем-то или чем-то, чтобы быть интересной. Либералы, именно представители другого литературного и всякого другого исповедания, захватившие все позиции материальные и организационные, не только не станут поддерживать такие издания, но сделают всё, чтобы уничтожить их. Поэтому приходится жить в условиях необходимости спасения — и идеи, и существования. Но, родившись с этим именем, крестившись в эту веру, ты остаёшься ей предан, если даже буквально несёшь этот крест. Если дети рождены родителями, а те — своими и так до Адамова колена, не значит, что нынешние дети старомодны, что они архаичны, обветшали. Они просто унаследовали родовые черты пра-, пра-, праотцов. Они — современные, но не предают своих предков: не берут другие фамилии, чутт родословную. Да и разве новая фамилия — это показатель модернизации и прогресса? А старая фамилия — признак застоя? Они хранят в чистоте свою веру, свой слог, дожидаясь, когда это будет востребовано. Но необходимо, чтобы, когда будет востребовано, это попросту было! Селекционеры блокадного Ленинграда хранили драгоценные зёрна, которые необходимо было проращивать, чтобы собирать новый урожай. Только так можно было сохранить эту линию растения. Такая работа в условиях голода была стоянием. Это были жертвы ради и настоящего, и будущего. Так и молодые писатели патристического склада и хранят, и проращивают новые урожаи. Пусть на ограниченном поле, пусть небольшими объёмами, но это действительно сохранение.

В редакционных статьях иных литературных изданий прямо заявляется: мы — хранители и продолжатели, мы ведём прямую линию и пытаемся сделать всё, чтобы эта нить не прерывалась. В текстах таких изданий ощущаешь прямую связь с русской классикой. Но это современные произведения: и по тематике, и по стилю, и по лексике. Порой новые имена прорываются не благодаря, а вопреки той инфраструктуре, которая всегда была и должна быть дорогой в литературу: критики, литературоведы, журналы... Да, у журналов мизерные тиражи. Но и книги ныне издаются невеликим тиражом. А молодой писатель не может, как правило, начать публиковаться сразу с издания книги, ему нужен разбег — публикации. Порой те, кто по роду деятельности должен открывать имена, всеми частями тела затыкают бьющий ключ, а когда тот всё-таки пробивается фонтаном, затыкальщик, не в силах более удерживать, летит на этой мощной струе, источно крича имя того, что пробился через его потуги заткнуть. Потом с гордостью говорит, что он открыл это имя, был провозвестником. Критики порой изощрённы: они не берут деньги за написание рецензий. Они берут деньги за чтение книги, которую автор предложил на суд специалиста. Будут писать или нет потом о книге — не известно. И деньги взяты не за рецензию, а за труды по чтению. Есть у молодых писателей деньги, и немалые, на каждого "заинтересованного читателя" — критика? Так чего тогда он хочет? Да он и не хочет, он реалист. И прекрасно понимает, что такое рынок. В рыночные времена есть и рыночная литература, и рыночная вера. Только непонятно, почему рынок внедрился один, а за базар отвечают другие?

Екатерина ГЛУШИК

ОТТЕПЕЛЬ — это не просто книга Ильи Эренбурга, давшая имя целому периоду, но ещё и весна, ледоход, свежий ветер. Младость наших мам. Ту книгу все уже забыли — написана топорно, влопыхах и не особо интересно. Она сделала своё дело — может уходить в архив. Зато эпоха — прекрасна и удивительна.

На вопрос: "Как жизнь?" был один ответ: "Она восхитительна, и будет ещё лучше!" Так в фильме Георгия Данелии "Я шагаю по Москве", где не происходит в общем-то ничего — день из жизни типичных ребят и девчат 1960-х. "Бывает всё на свете хорошо, / В чём дело, сразу не поймёшь, / А просто летний дождь прошёл, / Нормальный летний дождь", — эти строчки Геннадия Шпаликова, сочинённые им буквально за несколько минут, наилучшее выражение оттепели. Нормальность доброго настроения. Счастье от того, что идёт дождь или светит солнце. Здоровое и трезвое восприятие. На том же Западе всё не так: молодёжь бунтует, у неё сплошная крах вселенной, а депрессивные романы Франсуазы Сяган, массово переводимые на русский язык, — тому подтверждение.

Наша оттепель заманчива, о ней пишут умные и не очень статьи. Кто-то выступает по радио. Возникают плоско-пластмассовые (sic!) сериалы, в которых главными действующими лицами, увы, становятся, "двуглавый" торшер, вынырнувший из недр краеведческого музея или автомат с газированной водой. Попытки осмыслить период то и дело проваливаются, ибо оттепель — территория чувств.

Одни исследователи именуют её наилучшим моментом XX столетия — с журналом "Юность", спором физиков-лириков и реально смешным, а не пошлым кавказном, другие полагают, что она — этакий могильщик социализма. А что такое социализм, если не свет в окнах и устремлённость за горизонт? Дороги, походники, скалолазки, песни у костра: "Лыжи у печки стоят, / Гаснет закат за горой, / Месяц кончается март, / Скоро нам ехать домой".

Из розовой дымки вставали города-новостройки, в кафе-стекляшках велись научные и ненаучные диспуты, по улицам ходили девочки с причёской "бабетта", названной так в честь героини Брижит Бардо. В каждом вздохе — мечты о будущем. Оно рисовалось заманчивым и тёплым. "Полдень, XXII век" братьев Стругацких — все люди братья, а космос — наш. Сочиняются фантастические романы и повести — в них вся Галактика изъясняется по-русски. Потому что мы — первые. Это ли не триумф Русского Мира, о котором мы ведаем? Итак, перед нами — выставка "Звёзды оттепели", проходящая сейчас в Музее Москвы! Это проект, посвящённый творчеству уникальнейшего фотографа 1950-х—1960-х годов Игоря Кошэлькова. Его глазами видим город, люда, динамику, время. Нам встречает фотопортрет самого мастера и его краткая биография. Кошэльков работал в агентстве "Фотохроника ТАСС", газетах "Правда", "Вечерняя Москва" и "Социалистическая индустрия", а также в "Медицинской газете". Отсюда яркие, мощные репортажи, биение пульса, знание дела.

Кошэльков — москвич, а потому чувствовал каждый переулочек. В экспозиции много столичной темы. Разумеется, даны репрезентативные виды, например, отдых граждан на ВДНХ: аллеи, павильоны, фонтаны. Большевицкий Версаль (иначе и не скажешь!), сотворённый в эру Сталина, был местом встреч и гуляний, а в ходе Молодёжного фестиваля 1957 года ВДНХ играла

одну из ведущих ролей — по проспекту Мира машины с гостями устремлялись в этот роскошный парк чудес. К слову, Кошэльков прославился именно во время Фестиваля, участвуя в Международной фотовыставке с сюжетами "Ночная Москва", "Москва сегодня", "На рассвете" и "Ночной мост".

Виды Москвы 1950-х—1960-х годов невозможны без высотных зданий. Триумфальные чертоги, выросшие в послевоенные годы, сделались зримыми свидетельствами Победы, а если перейти на сухой язык урбанистики, то сталинские высотки значительно изменили профиль города, став основными его доминантами. Многоэтажные, увенчанные шпилями сооружения попадали на плакаты, поздравительные открытки, репрезентативные фото. У Кошэлькова целый ряд фотозображений высоток. Шикарный "Вид из Кремля" на дом, что был выстроен на Котельнической набережной. Воздушна и стройная гостиница "Украина" со стороны строящегося проспекта Калининна — автор хотел явить и развернувшуюся стройку, и величавую башню гостиницы.

В кадре — толпы мегаполиса. Вот Охотный ряд, где всегда было море машин, людей, энергии. "Осенний день на проспекте Маркса" — проникновенный лиризм и осенняя меланхолия, а ещё лёгкая размытость. В моду стремительно вошёл французский импрессионизм, считавшийся до этого чем-то вроде буржуазной мазни. Собственно, лиричность, а заодно impression свойственны всему искусству оттепели: от живописи до кино, от стихов до прозы. Ощущение — вот что главное, а форма — вторична. Фотосюжет "Вечером на набережной" — это не только влюблённая пара, но и фонари, создающие волшебную ауру всему повествованию. Композиция нарочно смещена: мужчина и женщина расположены с краю, а всё пространство

ТЕРРИТОРИЯ ЧУВСТВ

Экспозиция «Звёзды оттепели» в Музее Москвы

ство отдано воздуху, электрическому свету, мерцающим бликам, воде.

В ТЕ ГОДЫ и официозные фотографии были, что называется, очеловечены — помпезность уступила место простодушию. Очередь в Мавзолей на фотографии Кошэлькова смотрится вовсе не как сакральное действо. Тогда и сам Ленин, которого всё чаще называли Ильичом, предстал обычным человеком, а не божеством революции. Образ перекраивался под настроения эпохи. А тут Красная площадь, люди, голуби. Силует голубя рисовался, как знак мирных инициатив и международной солидарности. Эмблема в виде голубка, несущего оливковую ветвь, была создана художником Пабло Пикассо для первого Всемирного конгресса сторонников мира (1949 год), а в СССР голубь стал частью "мягкой" политической пропаганды.

Не обошлось и без фотографий первого лица государства — Никиты Хрущёва. Он то на трибуне, то среди народных масс, то на очередной выставке достижений. Кошэльков нередко фотографировал этого парадоксального, эксцентричного лидера, безумные решения которого соседствовали со здравой политикой — одна только забота о расселении коммуналок и возведении блочных кварталов дорогого стоит.

Сейчас принято фыркать в адрес хрущёвок, однако, для граждан, живущих в полуподвалах, деревянных построй-

ках, квартирах с коридорной системой это было выходом и выходом. Хрущёв приказывал всё делать быстро, а строительство районов по образцу Черёмушек было одной из первоочередных задач советской власти. На фотографии Кошэлькова глава государства, скорее, задумчив, нежели ретив — от авторов требовалось показывать внутренний мир, а не внешнюю оболочку. Можно увидеть и фото Нины Кухарчук — супруги и фотонницы соратницы Никиты Сергеевича, женщины мудрой и сильной.

Кошэльков часто изображал знаменитостей. Вот серия работ, где предстает Сергей Конёнков, самобытный чудо-скульптор, человек-глиба. Его маэра — на стыке народных традиций и родоначальник школы — заворачивает по сию пору. Конёнков всегда и всех удивлял — ещё до революции он был известен, потом ваял самого Ленина и героев Гражданской войны, долго жил в Америке, вернулся и снова заблестал. В эпоху оттепели конёнковский почерк стал актуальным, особенно в контрасте с чёткой классикой сталинского Большого стиля. Неслучайно Иван Ефремов в своём "Лезвии бритвы", описывая деревянную скульптуру, имел в виду "Текстильщицу" Конёнкова. На фотопортретах Кошэлькова скульптор погружён в себя, но не чужд общению — он точно говорит с нами, рассказывая о своих замыслах.

Общительность — ещё одна примета оттепели, поэтому на фотографиях попадаются группы людей, о чём-то

беседующих, а быть может, дискутирующих. Все дружно искали истину. В чём она? В красоте природы, науке, творчестве? Тут группа неизвестной молодёжи, а здесь уже спорят о чём-то корифеи: Алла Ларионова, Элина Быстрицкая и Михаил Жаров в кулуарах очередного кинофестиваля. Синемаграф развивался стремительно! Возникли разнообразные течения по образцу итальянского неореализма и французской "новой волны". То был отказ от предсказуемости фабул и привычных ракурсов. В советском кино также происходили тектонические сдвиги, а наши фильмы всё чаще брали призы на престижных кинофорумах.

Оттепель — это открытость, и не только в межличностном, но и в глобальном плане. Фестиваль 1957 года и Американская выставка в Сокольниках, случившаяся два года спустя — это всего лишь первые ласточки. В СССР активно хлынул поток иностранных гостей, в том числе именитых. С фотопортретов, сделанных Кошэльковым, смотрят звёзды мирового экрана. Вот блонюра Марина Влади, актриса с русскими корнями. Хорошо известная нашему зрителю по фильму "Колдунья", она невольно создала моду на причёску! После премьеры стильные девушки принимали распускать длинные волосы, хотя укладка или стрижка были предпочтительней. На этих "колдуньях" рисовались карикатуры в журнале "Крокодил"! В ходе одного из своих визитов в Москву Марина

познакомилась с Владимиром Высоцким, что стало началом красивого романа. Рядом — фотография Жана Маре, улыбающегося на Красной площади. Роскошнейший кавалер плаща и шляги, сыгравший, кажется, всех персонажей галантных столетий, Маре считался одним из самых привлекательных мужчин Европы. Поодаль — обворожительная Софи Лорен, которая помимо внешности обладала ещё и актёрским талантом. Броская наружность лишь подчёркивала бурный темперамент и тонкую натуру. "Брак по-итальянски" — это напор, взрыв эмоций, жестоватый, но милый юмор.

Какой же кинофестиваль без Джини Лоллобриджиды? Её называли соперницей Лорен — и по части фигуры, и в области киноленты. Эсмеральда в "Соборе Парижской Богоматери" и Аделина в комедии "Фанфан-тюльпан" вызывали общий экстаз. Какая талия! Какие движения! И какая душевность. Где Запад, там и Восток — здесь Радж Капур, несчастный и счастливый Бродяга. Что характерно, все эти знаковые персонажи показаны или в толпе, раздающими автографы, или прогуливающимися близ достопримечательностей, а не в плотном кольце мордастых секьюрити. Мир казался безопасным, а бытие — безоблачным.

Выставка произведений Игоря Кошэлькова обширна. Космонавты, рабочие, школьники, старики — все становились героями его фотографий, и как казал Евгений Евтушенко: "Людей неинтересных в мире нет. / Их судьбы — как истории планет. / У каждого всё особое, своё, и нет планет, похожих на неё". Кошэльков тщательно фиксировал эпоху, а она складывается из разных судеб: радových и великих.

Галина ИВАНКИНА

На фото: вид из Кремля на Котельническую набережную (снимок Игоря Кошэлькова)

КОНОХОВ

Очарованный странник

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

С КОНЦА XX ВЕКА он стал для всего мира "путешественником номер один", который разве что в космос не летал и не покорял "полос глубины" Марианской впадины на дне Тихого океана (хотя в его планах присутствовало и такое), а вот все остальные экстремальные отметки нашей планеты им достигнуты, пути к ним пройдены, некоторые — не единожды и по-разному, как, например, восхождения на Эверест и морские "кружоветки". Поскольку наша история — это наша география, Фёдор Филиппович Конохов (р. 12 декабря 1951 г.) маршрутами своих невероятных странствий на суше, на море и по воздуху, можно сказать, писал и пишет историю России, в том числе её будущую историю, демонстрируя почти беспредельные возможности человека выживать в любых обстоятельствах, преодолевая любые препятствия на пути к поставленным целям. Отдельный момент — что это не просто человек, но русский православный человек, священник Русской православной церкви Московского патриархата (хиротония — 19 декабря 2010 года, протоиерей с 2016 года) — живое подтверждение известного путинского тезиса о том, что "границы России нигде не заканчиваются". И этому человеку принадлежат на вид простые и всем понятные, но исполненные глубиной, воистину евангельской мудрости слова: "Покажет мир не тот, кто мыслит, но тот, кто любит".

Стоит предположить, что именно любовь на протяжении многих десятилетий вепа Фёдора Конохова к познанию мира и к познанию себя (а можно ли возлюбить ближнего, как самого себя и Бога "всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим", себя не знаешь?) через противостояние природным стихиям, "Шторм — вот школа смирения, вот где ты видишь, кто ты бесцелен, остаётся только уповать на Господа Бога". "Чтобы узнать правду о самих себе, нам нужно изолироваться от всех вещей вокруг нас, с которыми мы себя лучше отождествляем", — отмечал Фёдор Конохов в своих книгах. Он получил художественное образование, давно и прочно признан в качестве художника и иконописца (в 1983 году принят в Союз художников СССР, с 2012 года — академик Российской академии художеств), является автором двух десятков изданных книг, с 2004 года состоит в Союзе писателей России. "Я отдал многие ночи штормам, я мёрз на пути к полюсу для того, чтобы именно так провести ту или иную линию на бумаге или холсте", но "ни картины, ни книги, которые я написал, настолько не приблизили меня к истине, как строительство часовни и одиночные плаванья".

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ однажды, используя известный образ Н.С. Лескова, назвал Фёдора Конохова "очарованным странником" нашего века. В их беседе, опубликованной нашей газетой ("Завтра", 2012, №44) уже принявший к тому времени священнический сан отец Фёдор признавался: "Как на войне, так и в море не бывает людей неверующих. А я в океане в одиночестве пробыл тысячи и тысячи дней. Только в одиночку мной пройдено в океане 380 тысяч миль! Я был и 508 дней, и 224 дня, и 180 дней в полном одиночестве, у меня шесть кругосветных одиночных плаваний, и в основном — нон-стоп. Получается, я дошёл до Луны и вернулся". "Вернулся" — ключевое здесь слово. Из всех своих экспедиций Фёдор Конохов неизменно возвращался, усматривая в этом некий высший, божественный промысел о собственной судьбе. "Сколько планов и желаний! Надо стараться вернуться домой!" — записал он однажды в дневнике.

При этом никаких благостных иллюзий на свой счёт отец Фёдор не питает. "После каждой экспедиции я меняюсь. Каждая экспедиция: на Северный или Южный полюс, восхождение на Эверест или плавание в одиночку вокруг света — обновляет мой дух, но изнашивает моё тело". Впрочем, иллюзий на счёт человеческой природы — тем более: "Никогда не сообщай твоим друзьям того, о чём не должны знать твои враги". И ещё: "Мне грустно, печалят меня люди. Каждый занят собой и не знает, чего хочет... Они завидуют соседу, у него не дом — королевский дворец; и они отнимают у соседа дворец и вселяются в него, но того, что искали, не находят и во дворце. Есть должность, которой люди домогаются и пускаются в интриги. И вот она их, но и должность похожа на необжитый дом; для того чтобы дом стал счастливым, мало роскоши, удобства, бездельюшек, которые люди могут встроить в нём, считая его своим. Да и что значит "своим"? Ничего, коль скоро они однажды умрут. Поэтому я и смотрю на людей в безмолвии моей любви. Поэтому я и ушёл в океан, затворился в молчании и наблюдал издали за людьми, я хочу понять их; но, когда вернусь из этого плаванья, пойму ли они меня?".

ПОЗНАНИЕ — это и есть понимание, оно не абстрактно, "вообще", а конкретно, "здесь и сейчас". Как нехватка кислорода на горных вершинах и в стратосфере. Как девятибалльный шторм в океане. Как сорокарадусные морозы в Арктике и Антарктике. Как 350-килограммовый груз на волокуше во время лыжного перехода к Южному полюсу. Или как строительство храма "с нуля". "Надо православно жить, а не просто православно говорить или писать. Православно думать легко, но для того, чтобы православно жить, необходим труд".

Труд истинной любви к Богу, к людям и к самому себе. "Истина может быть только для тебя одного. Конечно, можно ещё навязать ещё кому-то. Но это уже не будет истина. Потому что ты забрал у него свободу выбора". Не правда ли, в этих словах есть нечто, касающееся тайны свободной человеческой воли в целом и входящее в резонанс с ней?

Да, Фёдор Конохов — путешественник и странник, соединяющий физические пространства с духовными, физическое время с духовным. Достижение и постижение им такого единства — истина только для него самого, ни для кого другого. Но явленная через него сама возможность такого достижения и постижения — бесценна для всех нас.

Владимир ВИННИКОВ